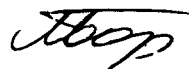

0-793714

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БОРЯЕВА Лариса Михайловна

**Структурно-семантический и коммуникативный
потенциал второстепенных членов простого предложения
в памятниках новгородской письменности XI-XV вв.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Черепанова Ольга Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Тарланов Замир Курбанович
(Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН)

кандидат филологических наук, доцент
Силантьев Евгений Евгеньевич
(Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена)

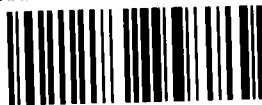
Ведущая организация: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Защита состоится «22» марта 2012 года в 17³⁰ часов на заседании совета
Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д.11, филологический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-
Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д.7/9).

Автореферат разослан «15» февраля 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000665384

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Руднев Д.В.

Общая характеристика работы

Работа посвящена исследованию одной из основных синтаксических единиц древнерусского языка – простого предложения, изучению и описанию его структуры и семантики. Предметом исследования являются второстепенные члены в составе простого предложения, их роль в организации структуры предикативной единицы, в формировании её семантического потенциала. Второстепенные члены – элементы синтаксической структуры предложения, находящиеся в процессе становления. Называя члены предложения второстепенными, используем этот термин условно, показывая формирование и становление второстепенных членов в историческом синтаксисе.

Частные функции и способы морфологического выражения в древнерусском языке определений, дополнений и обстоятельств описаны и изучены синтаксической наукой (Т. П. Ломтев, В. И. Борковский, Е. С. Истрина, Я. А. Спринчак и др.). Цель настоящей работы – выявить специфику синтаксических связей распространителей в структуре древнерусского простого предложения по данным берестяных грамот и Новгородской I летописи, изучить способы распространения предикативного ядра предложения и принципы введения словоформ в состав предложения, охарактеризовать семантический потенциал древненовгородского простого распространённого предложения. Исследование ведётся с позиций коммуникативного синтаксиса.

Постановка указанной цели обусловлена тем, что в текстах новгородской письменности XI-XV вв. можно наблюдать целый ряд синтаксических особенностей в построении простого распространённого предложения, во многом специфичных и актуальных для древнего синтаксиса, таких как синкретизм синтаксических связей и дистантное расположение зависимых членов, синтаксическая автономность второстепенных членов, совмещение паратактических и гипотактических способов в оформлении синтаксической зависимости распространителей и др., которые существенным образом связаны с информативной насыщенностью предложения. В исследованных текстах нами зафиксировано около 1200 конструкций, отражающих перечисленные явления. Полный их перечень представлен в Приложении.

Материалом для исследования послужили памятники древнерусской письменности XI-XV веков: Новгородская первая летопись по Синодальному списку, а также берестяные грамоты, большей частью новгородские, раскопки которых были начаты в 1950-х годах и продолжаются по настоящее время. Выбранные тексты принадлежат одному и тому же периоду в истории языка, они были написаны жителями древней Новгородской республики. Однако жанровые и стилистические особенности текстов различны. Более того, каждый из названных источников лингвистически неоднороден. При исследовании синтаксиса летописи важно учитывать лингвотекстологические швы между участками летописного текста, выявленные А. А. Гиппиусом. Что касается берестяных грамот, то вслед за Н. А. Мещерским, впервые в 1958 г. (через 7 лет после открытия берестяных грамот) поставившим вопрос о статусе языка берестяных грамот, мы относим берестяные грамоты к памятникам литературно-письменного языка. Тематически берестяные грамоты делятся на две большие группы: частная бытовая переписка и деловые

записи. В синтаксисе берестяных грамот мы видим элементы живого разговорно-обиходного языка XI-XV столетий.

Исследуя синтаксис памятников разных жанров, мы ставим перед собой задачу разграничить те синтаксические особенности, которые диктуются жанровой природой текстов, и те, которые являются общезыковыми, системно-грамматическими. Помимо этого, для того чтобы проследить специфику и хронологию описываемых синтаксических явлений, мы сопоставляем примеры из Синодального списка Новгородской первой летописи (конец XIII – XIV вв.) с соответствующими им контекстами в Комиссионном (XV в.), Академическом (XV в.), Карамзинском (XV-XVI вв.) и Толстовском (XVIII в.) списках.

Цель исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить и описать соотношение элементов паратактических и гипотактических отношений в структуре древненовгородского простого предложения;
- 2) проанализировать синтаксические способы и принципы распространения грамматической основы предложения в древненовгородской письменности;
- 3) охарактеризовать явление синкретизма синтаксических связей распространителей, его причины и следствия в исследуемых текстах;
- 4) изучить синтаксические основания отрыва распространителей от распространяемых членов и охарактеризовать особенности словопорядка внутри простого распространённого предложения в летописи и грамотах;

5) предложить классификацию потенциально предикативных членов в изучаемом материале, разработать алгоритмы выявления потенциальной предикативности второстепенных членов, а также раскрыть синтаксическое содержание понятия *потенциальная предикативность* по отношению к исследуемым текстам;

6) исследовать коммуникативные и синтаксические механизмы выдвижения распространяющих членов в предикативную позицию в древнерусском языке и, напротив, рассмотреть процесс формирования гипотактической связи управления второстепенными членами в «линейной» структуре предложения;¹

7) проанализировать грамматические средства и механизмы выражения значений полисубъектности, политемпоральности и полимодальности в рамках древнерусского простого предложения;

8) выявить и сопоставить информативную плотность текста грамот и летописи, проследив соотношение количества предикативных единиц и количества выражаемых пропозиций.

Методологическая база исследования. Работа выполнена с позиций функционально-коммуникативного подхода к анализу языковых единиц. В работе используются общенаучные и лингвистические методы исследования: методы наблюдения и анализа, индуктивный и дедуктивный методы, описательный метод, сопоставительный метод, метод сплошной выборки, метод количественного анализа.

¹ Оба процесса: реализация потенциальной предикативности словоформ, становящихся предикатами, и, напротив, утрата потенциальной предикативности теми членами, которые переходят в ранг присловных распространителей, рассматриваются в работе как следствия единого процесса преобразования «всерной» модели в «линейную», свёртывания «монтажности» синтаксиса.

Теоретическая значимость исследования состоит:

— в углублении представлений о специфике структурной и семантической организации простого распространённого предложения в древнерусском синтаксисе и в установлении роли распространяющих членов в обеспечении коммуникативного потенциала простого предложения;

— в выявлении соотношения «веерной» и «линейной» моделей простого предложения в истории языка;

— в расширении представлений о структурных единицах предложения и возможностях схематического представления его структуры в общей теории синтаксиса;

— в уточнении типологии потенциально предикативных членов в теоретическом аспекте исторического синтаксиса.

Новизна исследования заключается в обращении к явлениям коммуникативно-синтаксического уровня организации предикативной единицы при описании древнерусского материала; в выделении и описании структурно-синтаксических явлений, обеспечивающих коммуникативную наполненность простого предложения в исследуемый период; в сопоставительном анализе простого предложения с заявленных позиций в текстах различной содержательной и стилистической направленности при их хронологической и территориальной однородности.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных выводов и собранного языкового материала в курсах теоретического синтаксиса, синтаксиса современного русского языка, исторической грамматики и истории русского литературного языка. Результаты исследования также могут быть использованы в специальных курсах и практических пособиях по историческому синтаксису русского языка.

Актуальность исследования определяется тем, что исследуемые в работе отношения и явления рассматриваются с позиций их роли в формировании коммуникативного содержания простого предложения; принципы выявления потенциальной предикативности второстепенных членов предложения в древнерусском синтаксисе ещё не сформулированы синтаксической наукой, тогда как очевидно, что их разработка необходима для того, чтобы более точно охарактеризовать синтаксическую природу простого предложения как единицы древнерусского синтаксиса.

На защиту диссертации выносятся следующие **положения**:

1) организация связей распространяющих членов в структуре древнерусского предложения не сводима ни к традиционному «дереву зависимостей» (так как велика роль синкретичных, двойных синтаксических зависимостей), ни к структуре составляющих (так как образование фразовых категорий связано с поздним формированием синтаксических валентностей слов);

2) в построении простого распространённого предложения в древнерусском синтаксисе используется «веерная» модель организации синтаксических связей членов; актуальное членение высказывания определяет порядок следования в предложении не фразовых категорий, а предикативного и номинативного минимумов предложения и отдельных распространяющих словоформ, что может создавать впечатление «разрыва» как слабых, так и сильных синтаксических связей в линейном потоке речи;

3) синтаксическая организация простого распространённого предложения в памятниках древненовгородской письменности строится по модели так называемого монтажного синтаксиса;

4) коммуникативное содержание и информативная плотность древненовгородского простого предложения могут быть адекватно представлены с учётом потенциальной предикативности второстепенных членов и пропозитивного состава высказывания;

5) типология потенциальной предикативности второстепенных членов в древнерусском языке (представленном в нашем исследовании древненовгородской письменностью) охватывает большее число случаев, чем типология, разработанная для современного литературного синтаксиса. Простое распространённое предложение в древнерусском языке обладало значительным семантическим потенциалом, могло передавать полисубъектные, политемпоральные и полимодальные смыслы, которые, тем не менее, выражались на оси монопредикативности, чем достигалась формальная элементарность плана выражения.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на конференциях: XXXVIII – XL Международных филологических конференциях (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2009, 2010, 2011 гг.); круглом столе «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований, 2009 г.); «VII конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований, 2010 г.), на Научных чтениях Петербургского лингвистического общества (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2006 г.), на XIV-XVIII Международных конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2007, 2008, 2009, 2010, 2011» (Москва, МГУ, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011), на двух Международных научно-методических конференциях «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, Пензенский государственный педагогический университет, 2005, 2006 гг.), на 19-20 Международных конференциях молодых филологов в Тартуском университете (Тарту, 2007, 2008, 2009 гг.). Результаты отражены в 15 публикациях, две из которых входят в перечень ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения, в котором в виде таблиц представлен собранный материал. Материал был собран методом сплошной выборки в Синодальном списке Новгородской первой летописи и в корпусе берестяных грамот, опубликованных во втором издании монографии А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект». В приложении к работе материал расклассифицирован в соответствии с исследуемыми явлениями. Приложение состоит из трёх разделов, посвящённых синтаксическим явлениям: 1) Синодального списка Новгородской первой летописи, 2) берестяных грамот. Третий раздел приложения содержит сопоставление списков летописи.

Основное содержание работы

Во введении определяются цели и задачи исследования, дается краткая характеристика изучаемого материала, обосновываются актуальность, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Простое предложение как синтаксическое явление». Проблемы изучения и описания синтаксических связей и семантики второстепенных членов

предложения» включает в себя два раздела. В первом разделе освещаются теоретические вопросы, связанные с изучением коммуникативно-синтаксической организации простого предложения в русском синтаксисе, прослеживается объём и соотношение понятий *пропозиция* и *предикация*. В анализе простого предложения как минимальной коммуникативной единицы делается акцент на его осмысленности. В рамках аналитической философии, представленной именами Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Дж. Остина и др., был поставлен вопрос об определении понятия *элементарное, атомарное предложение*. Взгляды Л. Витгенштейна особенно важны для целей исследования: в работе исходим из представления о том, что при учёте семантической структуры предложения оно не может быть представлено в виде цепочки зависимостей, – это лишь одна из проекций многомерной семантико-структурной организации простого предложения, способного выражать несколько пропозиций.

В первом разделе первой главы показано, что соотношение понятий *предикация* и *пропозиция* в описании предложения далеко не однозначно, эти понятия не тождественны друг другу. После анализа различных взглядов в лингвистике на объём понятий *предикация* и *пропозиция* делается вывод: различие предикации и пропозиции состоит, как нам представляется, в том, что предикация связана лишь с выражением объективной модальности, тогда как пропозиция – это то, что лишено модальности в отрыве от текста (семантический инвариант), но обязательно получает оценочную модальность внутри текста. Пропозиция может получить в тексте любую модальность (потому она и является семантическим инвариантом, общим для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений). Именно к пропозиции в тексте можно задать вопрос: Это истинно или ложно? В пропозициях выражается наше знание о мире. Предложений, не выражающих ни одной пропозиции, не существует (к каждому осмысленному предложению может быть задан вопрос об истинности выражаемой им информации). Но не каждое полипредикативное предложение полипропозитивно (*Платье, которое с оборками* = *платье с оборками* = референция без пропозиции, вопрос об истинности не может быть задан). Поэтому не является чистой условностью, данью традиции и различие терминов полипропозитивность и полипредикативность (вопреки Г. А. Золотовой). Предложение – минимальная коммуникативная, но не минимальная когнитивная единица. Минимальной когнитивной единицей является пропозиция.

Второй раздел первой главы посвящён осмыслению простого предложения как единицы древнерусского синтаксиса и представлен тремя параграфами. Этот раздел содержит краткую характеристику языка исследуемого периода и, в частности, языка исследуемых памятников, а также краткий очерк основных проблем изучения и описания синтаксических связей и семантики второстепенных членов предложения в древнерусском языке. В работе мы исходим из уже существующих в исторической грамматике представлений о том, что в эволюции древнего простого предложения в индоевропейских языках можно наблюдать определённые тенденции. Прежде всего, это постепенный переход от преобладания паратактических черт к преобладанию гипотактических черт в структурно-семантической организации простого распространённого предложения (А. А. Потебня). Во-вторых, связанная с этим процессом и во многом предопределённая им замена древнего примыкания управлением, постепенное превращение глагольного предиката в синтаксический центр предложения, иными словами,

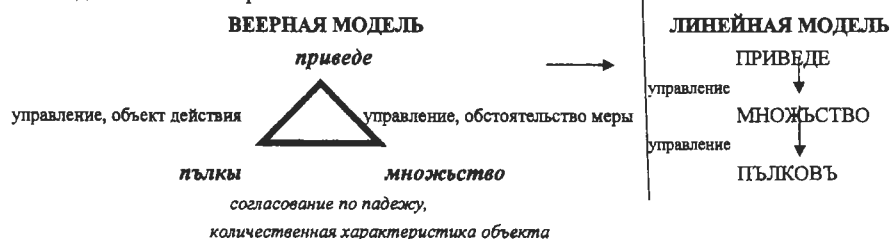
формирование вербоцентрической модели предложения (А. Мейе). Если использовать метафору В. Г. Адмони, можно определить основной вектор эволюции индоевропейского, в частности славянского, предложения как переход от модели ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЕРБ к модели ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ЛИНИЯ. Второй раздел представляет собой обсуждение обозначенных тезисов.

Вторая глава «Распространяющие члены в структуре древненовгородского простого предложения: коммуникативно-синтаксический аспект» является собственно исследовательской и состоит из семи параграфов.

Первый параграф посвящён рассмотрению синкретичных синтаксических зависимостей второстепенных членов и анализу паратактических связей словоформ в составе простого предложения. В настоящей работе паратактические связи слов рассматриваются не на уровне словосочетания, а на уровне предложения. Как нам представляется, параллелизм форм, выражающих понятия, логически непараллельные, – это явление не столько синтаксиса словосочетания, сколько синтаксиса простого предложения.

Обращение к уровню предложения позволяет, во-первых, рассмотреть отношение паратактической конструкции к гипотактической не как менее логизированной к более логизированной, а как два альтернативных, взаимозаменяемых способа структурной организации синтаксической единицы. На наш взгляд, предложение *А тѣлкъ своя приведе в Новѣгородѣ множество* (НПЛ, СС, 1233, 117 об.) не менее, если не более логично, чем предложение *Приведе в Новѣгородѣ множество своихъ тѣлковъ*, так как объектом действия *приведе* являются именно *тѣлкъ*, закономерно принимающие форму винительного падежа прямого объекта действия. Целое семантически важнее части, предмет важнее количества.

Во-вторых, переход от «верной» организации связей к «линейной» при его рассмотрении на уровне предложения получает иную по сравнению с традиционной² трактовку: не замена древнего согласования/примыкания поздним управлением, паратаксиса гипотаксисом, а преодоление синкретизма связей в структуре предложения, где уже существовали и взаимодействовали все три типа связей слов:

С одной стороны, семантические отношения в таком сочетании мы можем характеризовать как отношения объектные, с другой – как отношения количественной характеристики предмета.

При классификации анализируемых сочетаний считаем целесообразным совмещение различных точек зрения на отношения членов предложения, что поможет проследить соотношение гипотактических и паратактических элементов внутри сочетаний. На наш взгляд, такие сочетания нельзя трактовать исключительно как паратактические. Элемент гипотаксиса

² См., в частности: Спринчак А. Я. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960.

здесь проявляется в семантике падежа. Существительное *тылки* употреблено именно в форме винительного падежа, т.к. объект действия *приведе* – *тылки*. Иными словами, существительное *тылки* не может стоять ни в каком ином падеже, кроме винительного, т.к. значение отдельной падежной формы оказывается более весомым, чем выстраивание цепочки синтаксических зависимостей. Как минимум две из граней треугольника синтаксических связей представляют собой гипотактические связи (имеются в виду два зависимых члена и их связь с общей вершиной) и только третья грань треугольника (логическая связь между двумя соподчинёнными словоформами) может быть признана паратактической. Валентная структура глагольного предиката находится лишь в процессе формирования, слово *тылки* стоит в винительном падеже не потому, что глагол в полном смысле слова *управляет* словоформой, а потому, что прямой объект действия в обычных, нормальных условиях должен стоять в винительном падеже. В построении предложения говорящий исходит из семантических валентностей всех составляющих предложение слов. Синтаксические валентности предиката стоят дальше, ниже, за семантикой каждой грамматической формы.

В предложении: *Тои же зимѣ приде Изяслав Новгороду сынъ Мьстиславъ ис Києва иде на Гюря Ростову съ новгородьци и мно́го воеваша людьє Гюргево* (НЛ, СС, 1148, 25 об.) вместо цепочки зависимостей (*победить много людей*) представлено подчинение двух слов одному главному (*много воевать людьє*). Несмотря на то что в контексте глагол получает значение результативности: ‘и много гюргиевых людей подчинили себе новгородцы’, мы имеем как объект действия (*людьє*), так и обстоятельство меры (*мно́го*), зависимое непосредственно от глагола с результативной семантикой. Очевидно, при позднейшем формировании видовой противопоставленности глагольных предикатов и становлении вербодцентрической модели предложения, такой тип сочетаний оказался невозможным, что и привело к синтаксическому переосмыслению сочетаний слов с объектным и количественным значениями – в современном языке мы имеем цепочку зависимостей: *победить много людей/ многих людей*.

«Всерная» модель определяет единство синтаксического поведения слов с числовым значением: *...дає 6 десяти[m](о) куно лодиену* (Звенигород №2, 10-е – 30-е гг. XII в.). Прилагательное согласуется в ед. ч. жен. р. вин. п. со словом *шесть* (‘шестёрка’). Такой тип синтаксической организации фразы при выражении количественного значения приобретает устойчивый характер и появляется там, где изначально немыслим (например, при слове *три*, не являвшимся существительным женского рода): *Еси {велиле} велиле верше имати творяче і виновати, одну три коробѣ ує Ъванка узяле* (№102, 40-е – 60-е гг. XIV в.) (букв.: одну партию в три коробки).

Как показало исследование, конструкции, организованные по «всерной» модели, включающей паратактическую связь, могут приобретать формульный характер, доказательством чего, в частности служат последний пример. Часто повторяющиеся модели становятся формулами, которые не конструируются заново всякий раз, а воспроизводятся в готовом виде. Может быть составлен список таких устойчивых формул:

- 1) количественная (*рать приде множество, шесть кун намная*);
- 2) каузативная (*воздвиже крамолу простую чадь*);
- 3) наименования: *именем кого?*, но не *именем кто?*;

- 4) принадлежности: *земля деверя Павлова*;
- 5) атрибутивная: *платье подкладка крупные звезды*;
- 6) обстоятельственно-определяющая: *поставить скудельницу конец Чудиньевой улицы*.

Эти формулы сохраняются и воспроизводятся в гипотактическом окружении довольно длительное время.

Сочетания с количественным значением, а также близкие к ним сочетания со значением части и целого, построенные по «веерной» модели, – самый частотный тип паратаксиса в исследуемых текстах, наряду с моделью наименования и моделью принадлежности.

Отношения части и целого не случайно получают паратактическое оформление: в семантическом отношении часть и целое едины, это единый участник ситуации, так как действие, распространяющееся на часть, затрагивает целое и, наоборот, действие, распространяющееся на целое, затрагивает часть целого: *Да и [ж]итницу Елизарѣу вѣрхъ [да] ѓ[в]оръ разграбили.* (№496, 2-я четв. XV в.); *На рыбахо а на церевахо 5 кунѡ* (№349, кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.).

При замене «веерной» модели «линейной» происходит формирование фразовых категорий. В «веерной» модели и слово *житница*, и слово *вѣрхъ* стояли в винительном падеже по семантическим основаниям – и то, и другое является прямым объектом действия. При выстраивании цепочки зависимостей слово *житница* оказывается стоящим в родительном падеже потому, что фразовая категория *[вѣрхъ житницы]* является единым наименованием объекта действия. В винительный падеж ставится не слово *вѣрхъ*, а всё словосочетание *вѣрхъ житницы*, а уже внутри этого словосочетания выстраиваются свои семантические отношения, получающие грамматическое оформление (отношения части и целого). Таким образом, различие между двумя моделями организации предложения состоит в синтаксическом статусе словоформ: в «веерной» модели они являются структурной единицей предложения, в «линейной» – структурной единицей словосочетания. И та, и другая модель одинаково логично и последовательно маркируют отношения внеязыковой действительности.

- *У Хоцу у сына его четверте* (№348, 40-е – 70-е гг. XIII в.) – ‘У сына Хоча четверть’.³

«Веерная» модель *У Хоцу у сына его четверте* и «линейная» *[У сына Хоча]_{фк} четверть* синонимичны. Нельзя сказать того, что единство отца и сына в записи крестьянских повинностей в четвертях ржи в каком-то случае мыслится менее строго, оно лишь выражено, кодировано различно, так как различен структурный состав предложений. Структурными единицами в первом случае являются словоформы, во втором случае – ФК – фразовые категории. Выстраивание предложения из словосочетаний, а не из словоформ требует большей интеллектуализации и со стороны говорящего, и со стороны слушающего. Непосредственная связь всех зависимых словоформ с ядром предложения помогает проще и быстрее установить семантическую роль выражаемых ими понятий, тогда как вхождение словоформы в предложение через посредство фразовой категории требует больших ресурсов памяти и усилий мысли, т.к. требуется: 1) установить роль фразовой категории внутри предложения, 2) установить роль зависимого компонента внутри фразовой категории, 3) соотнести эти роли. Предложение, состоящее не из словоформ, а из фразовых категорий, можно сопоставить с

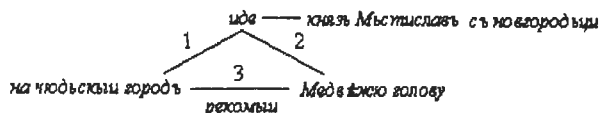
³ Здесь и далее перевод и/или переложение текста БГ на современный русский язык даются по изданию: А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

романом, в котором при введении каждого нового персонажа рассказывается его биография, в этой биографии у героя своё амплуа, своя роль, отличная от той роли, которую он играет в системе персонажей основной сюжетной линии. Фразовая категория внутри предложения – это «микродрама» внутри «драмы».

Семантика каузации также передаётся «вверной» моделью: *Тогда же оканьнии дияволь... въздвиже на Арсения мужа кротка и смерена крамату велику простую чядь* (НЛ, СС, 1228, 106); *...пльсковичи от себе послаша помощь мужь 200...* (НЛ, СС, 1237, 120 об.); *Челядь оздо нашу [п]олонь повеглъ* (Пергаменная новгородская грамота 1412 г.). Два винительных падежа, будучи зависимыми от глагольного предиката, вступают в семантическую корреляцию, и предложение в целом приобретает значение каузированного действия: ‘заставил простую чадь подняться на бунт’, ‘послал двести мужей, чтобы они оказали поддержку, помощь’, ‘челядь нашу вынудили в плен идти’.

Анализ паратактических сочетаний на уровне предложения позволяет выявить конструкционную семантику рассматриваемых сочетаний: каузативное значение накладывается на апозитивное и с точки зрения коммуникативного замысла является главенствующим. Тем не менее, с каузативным значением всегда сосуществует определительное значение (третья грань треугольника синтаксических связей): ‘простая чадь – крамольники’, ‘двести мужей – помощники’, ‘челядь – пленники’. При интерпретации семантики предложений можно использовать предлог в качестве: в качестве пленников.

Синтаксическое переосмысление второго винительного падежа наблюдается в моделях наименования: *Томъ же лѣтъ ꙗко прѣстави раба божия Хръстна святыя Варвары и поставиша на мѣстѣ еи... кроткѹ и съмѣрену именемъ Варвару Гюрьгеву Олекшиния...* (НЛ, СС, 1195, 55 об.), *Потомъ же яша человека именемъ Николу воина и на того възложиша вѣнцы бес патриарха...* (НЛ, СС, 1204, 67 НЛ, СС, 1204, 67), *Ходи Мьстислав на Чюдь рекомую Търму...* (НЛ, СС 1212, 77об.), *Потом же на зиму иде князь Мьстиславъ съ новгородци иде на чюдьскыи городъ рекомыи Медвѣжю голову...* (НЛ, СС, 1212, 78).

Наличие связи 1 предопределено синтаксическим вопросом, задаваемым глагольным предикатом, синтаксема *на чюдьскыи городъ* призвана обозначить цель похода князя Мстислава и новгородцев. Наличие связи 2 доказывается выбором формы распространителя: *поставиша Варвару, яша Николу, иде на Медвѣжю голову*, но не **поставиша кроткѹ и съмѣрену именемъ Варвара, *яша человекѹ именемъ Никола, *иде на городъ Медвѣжа голова*. Наличие связей 3 формально маркировано причастием *рекомыи* (из конструкции с двумя винительными падежами: *нарече городъ Медвѣжю голову*). Даже в тех случаях, когда причастие отсутствует (*именемъ Варвару*), связь 3 потенциально задана и является структурообразующей. Обнаружить все три связи помогает комплексное рассмотрение всех примеров данной группы. Так, в примере *иде на чюдьскыи городъ рекомыи Медвѣжю голову* явственно видна связь 3, а в примере *яша человекѹ именемъ Николу* чётко проявляется связь 2. Синтаксическое единство

примеров данной группы задано коммуникативными и семантическими основаниями. Позднее переосмысление модели предполагает развёртывание «клубка зависимостей» в цепочку с согласуемым приложением; связь управление (*нарече кого-то кого-то*) заменяется согласованием (*на город какой? – на Медвежью голову*). Подчеркнём, что в данном случае синтаксические изменения в структуре зависимостей объясняются не заменой винительного творительным в конструкции наименования (*нарече кого-то кого-то → нарече кого-то кем-то*), а перегруппировкой связей в структуре всего предложения – заменой древней «веерной» модели современной «линейной»: *пошел (куда? на кого?) – на чудской город (какой?) – Медвежью голову/Медвежья голова*.

Особыми подтипами «веерной» модели наименования являются устойчивые синтаксические структуры, включающие а) названия церквей и монастырей, б) составные имена собственные (либо название родственных отношений (*деверь* и т.п.)), в том числе формула принадлежности: а) *Въ то же лѣто сѣрубиша церковь святого Иакова на Добрыни улицы и святую безмезднику Къзмы и Дамияна и святого Савы и святого Георгия и святого Иоанна Ницькову* (НЛ, СС, 1181, 44- 44 об.); б) *Томъ же лѣтѣ оженися Мъстиславъ Кыевъ поя Дмитровъну Новѣгородѣ Завидица* (НЛ, СС, 1122, 10); *У Кузницъ у Онисимова 2 грѣнѣ* (№138, 1300-е – нач. 1310-х гг.); *А Радоковая... прашае [о]-е дѣвѣри т[и] е[е] была земля Павылова* (№227, 60-е – 90-е гг. XII в.).

Атрибутивные паратактические сочетания малочастотны. Их можно разделить на две группы.

Атрибут выражен примыкающим именительным падежом	Атрибут выражен управляемым членом, совмещающим функции приглагольного дополнения и приименного определения
<p>■ ...3-ке <i>под[ъ]лина [г]вѣзды великѣ жельтое</i> (Старая Русса №8, 1-я пол. XII в.) – '[нечто из одежды, платье?] жёлтое, с подкладкой с узором из крупных звёзд.</p> <p>Цепочка именительных падежей - определений: (платье) подкладка крупные звёзды, жёлтое.</p> <p>■ ... и <i>тряпезу чюдную одѣраша драгыи камень и велии жьньчюгъ а саму не вѣдомо камо ю дѣша...</i> (НЛ, СС, 6712, 70-70 об.) – 'И ободрали дивный жертвенник, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, а сам неведомо куда дели'</p>	<p>■ По... (м)[у]жмъ вѣдание опять и о старыхъ <i>кунахъ о 50 грѣнѣ</i> (№295, 20-е – 30-е гг. XIII в.) – '[Пошлите же(?) с этим м]ужем обратно расчетный документ, в том числе и по 50 гривнам старыми кунами';</p> <p>■ ...[и] оставило 4 <i>кадце пшенице то же полти 2 и лоньски и нынечней</i> (№196, 1300-е – нач. 1310-х гг.) – 'и оставил 4 кади пшеницы, а также 2 полти – и прошлогоднего и нынешнего [оброка]'. Букв.: ...и прошлогодний, и нынешний (вин.п. м.р. ед.ч.).</p>

Различение первой и второй подгрупп отражается в переводе на современный язык. Если в выражении *тряпезу (какую?) драгыи камень и велии жьньчюгъ* видеть примыкающее определение, стоящее в именительном падеже, то перевод выглядит так: 'И ободрали дивный жертвенник, украшенный драгоценными камнями и жемчугом' (наш перевод). Если видеть управляемый член, совмещающий функции приглагольного дополнения и приименного определения, то перевод выглядит иначе: 'И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг' (перевод О. В. Творогова). В последнем случае нужно сделать

допустил, что глагол *одьрати* реализует в тексте одновременно два значения: 'ободрать что-то (икону, амвон, жертвенник и пр.)' и 'содрать что-то с чего-то (камни с жертвенника)'.

Примыкающие члены (первая подгруппа) как элемент паратаксиса обладают большой степенью синтаксической автономности. Такой паратаксис является наиболее древней особенностью синтаксиса. О древности свидетельствует, в частности, малочисленность и тематическая ограниченность контекстов, в которых такие сочетания возможны.

В летописи возможны паратактические конструкции с примыкающими обстоятельствами: *И поставиша другую скудьльницу на поли коньцъ Чюдиньевъ ꙗзъ улицы...* (НЛ, СС, 1230, 114); *Привезоша его в манастири ко святому Михаилу усть Узъ рѣки на Шелонѣ и приставися ту* (НЛ, СС, 1352, 169). Такие конструкции также представляют собой наиболее древние формы паратаксиса в условиях нецентрализованного предложения, где каждый распространитель стремится к формальной автономности. Распространяющие члены такого типа не могут быть признаны обстоятельственными детерминантами места. Нельзя сказать, что, подобно детерминантам, они обозначают обстановку, «декорацию» ситуации, описываемой предложением: они семантически привязаны к глаголу. Семантическая отнесенность к конкретному члену и формальная независимость распространителя – яркая черта паратаксиса в чистом, абсолютном его виде. Попадая в гипотактическое окружение, такие члены либо сохраняются в застывшем, неизменном виде, либо поддаются гипотактическому переосмыслению, что показывает сопоставление списков.

Применительно ко всем рассмотренным типам паратаксиса последовательное, сплошное сопоставление Синодального списка с другими списками, приведенное в Приложении к работе, убеждает, что нет однозначной и повсеместной замены паратактической модели гипотактической. В ряде случаев во всех списках «веерная» модель: *В то лѣто придоша иноплемьеници глаголемии Татарове на землю Рязанскую множество беицисла...*(1238). В ряде случаев «веерная» модель заменяется «линейной»: *...много воеваша людье Гюргево...* (СС, 1148, 25 об.), *...много воеваша людие Гюргево...* (Ком. сп., 1148, 107 об. – 108), *...много воеваша людие Гюргево...* (Ак. сп., 1148), *...много воеваша людие Гюргево...* (Толст. сп., 1148). Но ещё более показательными являются случаи обратной замены «линейной» модели в списке XIV в. «веерной» моделью в списках Младшего извода: *рѣжѣ осминка* (СС, 1127, 11 об.-12), *рожь осминка* (КАТ, 1127, 101 об.). «Веерная» и «линейная» модели – два альтернативных способа организации синтаксических связей членов в составе предложения.

При движении от одного полюса к другому – от «веерной» модели к «линейной» – существует много промежуточных случаев. Иногда вместо единой фразовой категории мы имеем разноуправляемые члены, соподчинённые одному слову. Такие распространители связаны друг с другом по смыслу, но словосочетания не образуют: *Приде князь Михаилъ в Новгородъ...* и *бысть льгко по волости Новгороду* (НЛ, СС, 1225, 101); *...и положиша ѿ въ притворѣ у саятии Софьи посторонь Климента* (НЛ, СС, 1324, 163 об.). В поздних списках такие структуры могут замещаться «линейными»: *Приде князь Михаилъ в Новгородъ...* и *бысть легко по волости и по городу* (КАТ, 1225, 146 об.), *Приде князь Михаилъ в Новгородъ...* и *бысть легко по волостемъ и по граду* (НЛ, 1225, 278 об.), *И положиша ѿ въ притворѣ саятия София подлѣ Климента* (НЛ, 1324, 285 об.).

В языке памятников мало паратактических сочетаний в чистом виде, гипотаксис и паратаксис находятся в состоянии постоянного взаимодействия. В исследованных текстах сосуществуют «всерные» модели, совмещающие паратактические и гипотактические связи, гипотактические «всерные» модели и гипотактические «линейные» модели.

Во **втором параграфе** рассматривается дистантное расположение зависимых членов в составе простого предложения и его роль в структурно-семантической и коммуникативной организации предикативной единицы.

Порядок выявления границ и синтаксический статус групп слов в составе предикативной единицы подробно описываются синтаксической теорией структур составляющих, пользующейся понятием *фразовые категории*. В современном кодифицированном русском литературном языке предложение состоит из синтаксических групп – фразовых категорий с закреплённым словопорядком внутри каждой группы, каждый член группы неразрывно связан с другими её членами и подчиняется правилу «эффект крысолова» (J. Ross: pied-piping), преобладают проективные структуры (структуры, подчиняющиеся принципам непересечения и необращения стрелок). По нашим наблюдениям, синтаксическая организация распространённого простого предложения в летописи и грамотах иная. Как правило, сначала в предложении даётся предикативный и номинативный минимум, без которого предложение как целостная конструкция и как предикативная единица не состоится. Достижение конструктивного центра предложения (его предикативного минимума) имеет приоритетное значение для пишущего и воспринимающего текст: структура предложения должна быть прозрачна, ясна, не требовать больших ресурсов человеческой памяти, интеллектуализации. Уже после предикативного минимума следуют распространяющие члены, даже в том случае если без этих членов высказывание приобретает иной или неполный смысл.

Предикативный и номинативный минимумы выделены полужирным шрифтом.

Во *с^тьхо 3 гривнѣ во сукнѣхъ и во холстѣхъ* (№722, 1-я пол. XIII в.). Это часть описи (купеческого?) имущества с указанием его стоимости: 'На сетях, сукнах и холстах 3 гривны'. В данном случае семантически важно единство ряда однородных членов: на сетях, сукнах и холстах (вместе взятых). Тем не менее мы видим расчленение ряда однородных членов и «договаривание» однородных членов в конце предложения. Сомнительно, что пишущий при порождении высказывания забывает о полном перечне вещей и лишь потом «договаривает». Здесь действует иная синтаксическая стратегия – дать минимальный «каркас» фразы, синтаксическую модель предложения, достроить конструкцию предложения, а далее уже присоединять добавочные члены, как бы нанизывая их на уже имеющийся синтаксический стержень: *А за са(н)[у] по 5 кунъ за довое* (№601, 90-е гг. XII в. – 10-е гг. XIII в.), *А съ на водмолчъ по 6 кунъ на нощьмо* (№927, XIII в.), *И велѣтъ ми старѣшии мои и сѣмяна и ѣмяна молотити ваша Иване* (№755, конец XIV в. – 2-я четв. XV в.) – 'старший мой Иван', *Володимиръ иде на Емь съ новгородци сынъ Ярославль* (НЛД, СС, 1042, 2 об.), *Также и скоть помре рогатыи* (НЛД, СС, 1158, 30 об.). Такой синтаксис можно назвать «монтажным».

В соответствии с обозначенной тенденцией могут «разрываться» те сочетания, которые являются несвободными с позиций современного синтаксиса. Например, элективные и комитативные словосочетания: *И еще же пишуще то, кто Всеволоду приятель бояръ, тѣ*

имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяце гривенъ (НЛ, СС, 1137, 18 об.) – ‘И ещё искали, кто из бояр приятель Всеволоду, с тех брали около полуторы тысяч гривен’ – разрыв подлежащего, представленного элективным сочетанием *кто бояръ* (род.п. мн.ч.). Комитативные сочетания показаны подчёркиванием, номинативный минимум предложения (стоит в начале предложения) выделен полужирным шрифтом: ***На Смыне три гривень со братомъ*** (№73, 20-е – 30-е гг. XIII в.), ***И посла князь Мъстиславъ Дмитра Якуница** на Луку съ новгородъци города ставить...* (НЛ, СС, 1211, 76 об.), *...зависть въложи людѣмъ на архиепископа Митрофана съ князьмъ Мъстиславомъ...* (НЛ, СС, 1211, 77), *Тои же зимы придоша Нѣмци на Водь с Чюдью, и повоеаша и дань на нихъ възложиша...* (НЛ, СС, 1240, 128). Подчеркнём условность формулировки «расчленение комитативных и элективных словосочетаний». Как говорилось выше, члены предложения входят в его состав не как члены словосочетания, следовательно, никакого готового комитативного словосочетания или элективного словосочетания как конститутивной единицы не существует и о его «расчленении» речь идёт лишь условно. Расчленение комитативного сочетания семантически кажется неправомерным, т.к. может способствовать ложному пониманию высказывания.

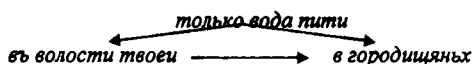
Стремление «достроить» синтаксический каркас предложения, прежде чем вводить неконститутивные члены, проявляется и в конструировании сложных предложений: *А что даше провоза, язю во тамо, до Торжеку* (Тверь №2, посл. 20-летие XIII в.).

Синтаксический приоритет конститутивных членов перед неконститутивными понятен по лингвистическим и отчасти экстралингвистическим основаниям. Заполнение синтаксических мест в каркасе структурной схемы предложения не словами, а фразовыми категориями, представляющими собой многочленные словосочетания, требует интеллектуализации и удерживания в памяти синтаксического каркаса предложения. Иногда при таком построении распространённого предложения возникают синтаксические сбои и сдвиги, непреднамеренная контаминация разных структурных схем, что отмечается издателями грамот (см., например, НБГ №463). Так как перед нами «пишущийся разговор», то для пишущего и для воспринимающего важно уловить синтаксический стержень предложения, а также присоединить к нему распространяющие члены, которые в информативном отношении могут быть как первостепенно значимыми, так и незначительными, а в синтагматическом плане представлять собой как новое, так и данное. Такой способ подачи информации, при котором сначала даётся предикативный и номинативный минимум предложения, а затем нанизываемые на него второстепенные члены, требует наименьшего напряжения памяти и представляется не менее логичным, чем современный «путь» построения предложения.

Актуализация высказывания, так же как и в современном синтаксисе, приводит к перегруппировке составляющих его элементов. На начальное положение выдвигаются тематические компоненты: *А рожь Петрову повелело есемо измолотиво Криву дати* (№196, 1300-е – нач. 1310-х), *Фофуды были твоихъ 9 рыкъ я собѣ* (№675, 40-е – 60-е гг. XII в.), *А прокъ ихъ, ископавше яму, вметаша в ню беицисла* (НЛ, СС, 1240, 127).

Неконститутивный распространяющий член, вводимый в исследуемых текстах после номинативного минимума, может образовывать многосторонние связи с исходными членами: *Въ волости твоеи такои вода питу в городицяхъ* (Ст.Р. №10, XII в.) – ‘В волости твоей

городищанам только воду пить (т. е. есть уже нечего)'. Второстепенный член распространяет номинативный минимум таким образом, что образует связь с каждым его членом:

При инфинитивной конструкции *только вода пить* мы имеем два детерминирующих члена. Один член формально является детерминантом места (*въ волости твои*), другой член – субъектным детерминантом (*в городищаных*, т.е. ‘жителях Городища’). В современном языке сочетание субъектного и логического детерминантов словосочетания не образует. Однако в данном случае субъектный детерминант введён как определяющий член для названия волости (владения). Ср. словосочетание *в городе Москве*, но не **в городе в москвичах*. Только в составе предикативной единицы при соположении словоформ между ними возникает синтаксическая связь. Так как невозможны словосочетания: **в городе в москвичах*, **в городищаных только вода пить*, мы видим, что идентифицирующее определение вводится в предложение не через состав словосочетания, а накладывается на всю конструкцию в целом. Идентификация представляет собой связь второго яруса, осложняет предложение, выражает значение отождествления.

Подобные примеры свидетельствуют о «всеерном» характере связей в предложениях, включающих в свой состав определяющие члены, которые идентифицируют ранее названные предмет/лицо/ место и пр.

Таким образом, дистантный словопорядок определяется не характером синтаксической связи: сильная/слабая, обязательная/ необязательная, предсказующая/непредсказующая (В. А. Белошапкова), – а двойными связями словоформы, её включением в предложение непосредственно, а не через состав готового словосочетания.

В современной разговорной речи мы имеем внешне сходное употребление предлогов: *К Пете я и пошел, к своему другу*, (повтор предлога как способ развёртывания высказывания). Но даже в этом случае представлена «линейная» модель распространения предложения с односторонними связями: *я пошел* → *к Пете* → *к своему другу*. В древнерусском синтаксисе ярче проступают двусторонние связи, «всеерная» организация распространённого предложения. Аргументом в пользу различного изображения связей в современных и древнерусских примерах является невозможность в современной литературной, в том числе и разговорной, речи сочетаний типа **работать по учебнику по Розенталя*, **общаться с другом с Ивана*, тогда как в историческом синтаксисе такие сочетания вполне востребованы в памятниках письменности (ср. организацию связей в словосочетании *граничить с Ивановым селом с Хороброго*⁴). На наш взгляд, повтор предлога – это ещё один синтаксический показатель «всеерной» модели простого предложения и множественности синтаксических зависимостей второстепенного члена.

Вопрос о становлении современных закономерностей порядка слов – это вопрос о формировании фразовых категорий как синтаксической единицы. Свобода перемещения распространяющих членов в составе древнерусского предложения – результат и свидетельство

⁴ Пример из древнерусских договорных грамот великих и удельных князей XIV-XVI вв. // Ворт Д. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 221-222.

их синтаксической автономности, функционирования не в составе словосочетания, а в составе предложения.

В третьем параграфе рассматриваются предложно-падежные формы, их синтаксические функции, связи и семантика в структуре простого предложения. Ранняя полифункциональность предложно-падежных форм, возможность самостоятельно (при отсутствии глаголов) выражать узловые семантические компоненты предложения: субъект, предикат, объект, хронологический маркер – свидетельствуют о самостоятельности развития предложно-падежных форм как особой структурной единицы внутри предложения.

В берестяных грамотах отсутствие глагола, управляющего предложно-падежной формой, фиксируется в наших материалах как узуальное явление и составляет довольно высокий процент от общего числа употребления предложных синтаксем: по нашим подсчётам, 139 берестяных грамот из 1013 (Новгород, №№1-949, а также Старая Русса, Торжок и пр. – перечень см. в издании «Древненовгородский диалект») содержат безглагольные предложения (средний объём берестяной грамоты, согласно подсчётам, приведённым в §7 II главы, составляет 5-6 предикативных единиц: 5,754), причём в это число не включены заведомо неполные предложения, в которых глагольный предикат восстанавливается из предыдущего текста грамоты. Полный перечень безглагольных предложений с указанием номеров грамот дан в Приложении к работе. Безглагольность способствует выдвиганию предложных синтаксем в автономные синтаксические позиции и повышению их коммуникативной нагрузки.

Материально не выраженными оказываются не только предикаты со значением бытия, наличия, местонахождения (*В томъ его воля* – Смоленск, 4; *У Зубеца... ножъ во осми нацѣтѣ* ('нож за 18 денежных единиц') (№750); *Ажъ ти хътя жьдати ааи [описка вместо али] ти нъ хътя жьдати, а у ѿдохъ, обрѹъ еѣ водада, а свое възьму* (№723, 40-е – 70-е гг. XII в.) – 'Хотят ли ждать или не хотят (другой вариант: захочу ли я ждать или нет), а я у Федки, отдав ей браслет, свое возьму', но и глаголы других семантических классов: *А се ти хочу, коне купишь и княжь мужъ ѿсадить, та на съводи* (№109, кон. XI в. – сер. 10-х гг. XII в.) – 'И вот я хочу, купив коня и на него посадив княжьего мужа, потом отправиться (поехать) на свод'; *...новгородѹци к нему, яко с нимъ въ животь и въ смерть...* (НЛД, СС, 1215, 82) – 'новгородцы клялись жизнью и смертью стоять за него (букв.: крест целовали к нему)'.

Предложные синтаксемы могут выступать как самостоятельные синтаксические единицы и занимать различные позиции, многие из которых несвойственны современному синтаксису. Так, например, предложные синтаксемы могут быть употреблены в качестве позиционных эквивалентов современного «прямого» дополнения при переходном глаголе (1), инфинитивного оборота в составе «сложного глагольного сказуемого» (2), обстоятельства в безглагольном предложении (3), атрибута (4), замещать собой предикат (5):

(1) *Виделе есмь и роле промежи Филипомъ, Иваномъ* (№154, 20-е гг. XV в.) – 'Я видел и слышал то, что произошло между Филиппом и Иваном';

(2) *На осень ходи Святополкъ съ вѣщо областю Новъгородскою на Гюргя, хотя на Суждалъ, и воротилися на Новемъ търгу, распутъя дѣля* (НЛД, СС, 1147, 25) – 'Осенью ходил Святополк со всей областью Новгородской на Гюргя, желая Суздаль взять, но вернулись, дойдя лишь до Нового торго, по причине распутицы';

(3) *Оугличане замерьзлы на Ярославли, і ты до Углеца, и ту пакъ дружина* (№69, 80-е гг. XIII в. – нач. 1310-х гг.) – ‘Угличские корабли остались во льду на зиму в Ярославле. Так что посылай до Углича, и как раз туда едет дружина’;

(4) *Да только буде которому мьсль до Воды, ино надо бы дворянине, а пристае ино здѣсо Филисть ехать хоче* (№19, 20-е гг. XV в.) – ‘Да если будет у кого-нибудь намерение ехать до Воды, то надо бы дворянина, а (что касается) пристава, то здесь хочет ехать Филист’;

(5) *...а избытъкъ роздѣлиши по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щитѣ* (НП, СС, 1209, 74 об.) – А остаток разделили между всеми горожанами по 3 гривны, и в качестве добычи взяли’.

Восстановление глагола в безглагольных конструкциях – во многом дискуссионный вопрос. Говорить о первоначальном присутствии в этих конструкциях глагольного компонента можно лишь с большой осторожностью. Предложные синтаксемы в берестяных грамотах, как правило, занимают самостоятельные синтаксические позиции, непосредственно включаясь в предложение как член его структуры (а не присловный распространитель), что оказывается настолько несвойственно современному синтаксису, что возникает непроизвольное желание видеть во всех подобных случаях искусственную элиминацию глагола, причастия или отглагольного существительного. Тем не менее, сам синтаксис берестяных грамот, который можно было бы назвать не столько «рваным» (А. А. Зализняк) – слово «рваный» ориентировано на взгляд из современности – сколько «монтажным», способствует приобретению безглагольными предложениями статуса полных, самостоятельных конструкций, функционирующих наравне с глагольными. Целостная «картина», фрагмент внеязыковой действительности, представленный в простом предложении, складывается из отдельных «кубиков» – самостоятельных пропозиций.

Если в современной грамматической традиции предлог принято определять как часть речи, выражающую отношение между словоформами, синтаксическую зависимость существительного в составе словосочетания, то в берестяных грамотах «предложные элементы» являются, как правило, маркером дополнительной точки зрения на ситуацию, выражаемую предложением. Примеры довольно многочисленны: *[И]з[яла еста мою] дѣлож[ь]ницу у Ярыш[е]въ, [е]з[яла еста у нем 6 гривнь* (№449, посл. четв. XII в.) – ‘Вы (двое) взяли деньги по моей долговой записи у Ярышевых. Вы взяли по ней 6 гривен’. Словоформа *в ней* (букв. *у нем*) выражает добавочную пропозицию, поэтому интерпретировать её значение можно при помощи полупредикативного оборота: ‘взять 6 гривен, указанные в ней – в долговой записи’. обстоятельство, выражаемое предложно-падежной формой, не только не связано с реализацией семантических валентностей предиката, но и не образует с ним словосочетания: **взять в долговой записи*. Таким образом, в приведённом предложении точка зрения на ситуацию, переданную в предложении, задана глагольным предикатом, но эта точка зрения не является единственной. Точка зрения, заданная предикатом, совмещается с точкой зрения, определяемой выбором предложно-падежной формы.

Исследование материала позволяет также сделать общее предположение о том, что переход от беспредложного управления к предложному осуществлялся главным образом не на уровне словосочетания, а на уровне предложения. Предложные элементы (синкретичные

единицы, позднее расщепившиеся на предлоги, префиксы и наречия) служили структуризации предложения. Образование наречных предлогов связано с усилением роли глагола в простом предложении по мере перехода от паратаксиса к гипотаксису.

Четвёртый параграф содержит анализ несогласованных определений и именных предикатов. В работе исследовано влияние синкретичных, множественных зависимостей членов в структуре предложения на полифункциональность словоформ в его составе. Из анализа материала следует: образование именных предикатов на базе выдвигения распространяющих членов в предикативную позицию в XI-XV вв. охватывает все те же типы распространителей, что и в более поздние периоды истории языка, и является вполне выработанным синтаксическим механизмом, актуализированным позднее. Так, выдвигению в предикативную позицию подвергаются атрибуты с собственно определительной семантикой: *И стоя естъ лѣто осмынька великая по 7 резан* (НЛ, СС, 1137, 19 об.); атрибуты с субъектно-определятельным значением: *(Мь)[эд]а ти штъ Бѣ буд[ѣтѣ]* (№901, 1-я четв. XII в.), зависимые члены со значением состояния: *Оже буду люди, при комо буду дала руку за зяте, то те я во вине* (№531, кон. XII в. – 1-я пол. XIII в.), обстоятельства места: *А дв[р]оръ мои в городѣ, а пожня на Глушици, а другая за Городищемъ* (№520, 1380-е – 1400-е гг.), обстоятельства со значением направления движения: *А про себе: оже будише порошне, то буди к намo* (Псков №6, сер. – 2-я пол. XIII в.), обстоятельства, совмещающие значения времени и места: *А язo ти на пути* (№436, 1210-е – 1220-е гг.), обстоятельства со значением времени: *А роко на Ростao* (№144, 10-е – 30-е гг. XIV в.) – 'А срок [платы] – на Рождество'; обстоятельства со значением причины: *Пусти на немъ тяжя, а не на мнѣ* (№142, 1300-е – нач. 1310-х гг.), обстоятельства со значением цели: *То же, братье, не на добро, на зло* (НЛ, СС, 1230, 109 об.), обстоятельства со значением сравнения: *Стояста 2 недѣли тѣне яко искра гуще...* (НЛ, СС, 1145, 23 об.), объектные дополнения (с объектными и комплетивными отношениями): *А то Даниловичъ дѣтемъ* (№520, 1380-е – 1400-е гг.), *Не дайте Савѣ ни одного песця, хотя на ныхъ емати. Самъ въ томъ* (№724, 60-е – 70-е гг. XII в.). Как показало исследование, переход распространяющего члена в предикат предопределён многосторонними связями распространителя, его зависимостью от разных членов в рамках предикативной единицы. При этом множественность связей распространяющего члена, способного стать предикатом, подразумевает совмещение разных синтаксических ролей, одной из которых обязательно является роль атрибута.

В работе показано, что в берестяных грамотах и летописи изменение синтаксической роли и места члена предложения в структуре предложения не ведёт:

а) к изменению формы: *А новгородьѣ ту убиша 10 мужъ: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣзютина на Лубяници, Нѣжилу серебреника, Гостилца на Кузмадемьяни улицы...* (НЛ, СС, 1234, 119). Ср. современное *Гостилца с Кузмадемьянской улицы*.

б) к изменению грамматических значений темпоральности, модальности, персональности: *...въ святомъ Иванѣ надъ товаромъ сторожа убиша...* (НЛ, СС, 1299, 151-151 об.) – *сторожъ надъ товаромъ* – качественно-описательный имперфектив, *убиша* – аорист; *А буду люди на тамо, тебе не сestra, а мужеви не жена <...>* (№531, кон. XII в. – 1-я пол. XIII в.) *Буду люди* –

будущее (потенциальный признак), *Люди на томо* – настоящее (актуальный признак), ...*ты к ним крестъ цѣловаль без вины мужа не лишити* (НЛ, СС, 1218, 91-91 об.) – *Мужъ без вины* – 3 лицо; *Ты крестъ цѣловаль* – 2 лицо.

в) к изменению пропозитивного состава высказывания. Изменение синтаксической роли распространителя: *обстоятельство* – *определение* – *дополнение* – *предикат* - не отражается на пропозитивном составе высказывания, даже если из простого предложения создается сложное (*Осьмь о Тудоре высягла* – *Осьмь высягла, что о Тудоре*). Монопропозитивное предложение (определение служит идентификации предмета/ лица, точному установлению, опознанию референта (1)) остаётся монопропозитивным, полипропозитивное (определение имеет качественно-характеризующее значение и несёт для адресата новую информацию о предмете/ лице (2)) – полипропозитивным:

(1) *И осьмь высягла, что о Тудоре* (№724, 60-е – 70-е гг. XII в.); ...*просяще на окупъ братьи своеи, кто у князя в талехъ...* (НЛ, СС, 1317, 160 об.). (2) *О, горе, братие, лють бляше пожаръ, с вѣтрамъ и вихрама* (НЛ, СС, 1311, 157), ср. атрибутивное употребление: *Въ то же лѣто бляше буря велика съ грамама и градама* (НЛ, СС, 1125, 11).

Разработан алгоритм различения идентифицирующих и качественно-характеризующих определений, вычислены количественные показатели их употребления.

Процентное соотношение идентифицирующих и качественно-характеризующих несогласованных определений

Название памятника письменности	Идентифицирующие определения	Качественно-характеризующие определения
БГ	80%	20%
НЛ СС	79%	21%

Процентное соотношение несогласованных определений в зависимости от места определения в предложении относительно определяемого существительного

Название памятника письменности	Контактные препозитивные определения	Контактные постпозитивные определения	Дистантные препозитивные определения	Дистантные постпозитивные определения	Расчленённые определения*
БГ	12%	77%	1%	8%	2%
НЛ СС	9%	85%	0%	6%	0%

Процентное соотношение типов несогласованных определений в зависимости от позиции определения в предложении относительно определяемого существительного

	Тип определений	Контактные препозитивные определения	Контактные постпозитивные определения	Дистантные препозитивные определения	Дистантные постпозитивные определения	Расчленённые определения*
БГ	Идентифицирующие	12%	80%	1%	5%	2%
	Качественно-характеризующие	12%	69%	0%	19%	0%
НЛ, СС	Идентифицирующие	12%	84%	0%	4%	0%

* Расчленены на препозитивную и постпозитивную части.

Качественно-характеризующие	0%	86%	0%	14%	0%
-----------------------------	----	-----	----	-----	----

Разделение определений на два указанные типа подразумевает два опорных противопоставления:

1) идентифицирующие определения не выражают добавочной пропозиции, тогда как качественно-характеризующие определения делают предложение семантически сложным, полипропозитивным;

2) идентифицирующее определение выражает информацию, соответствующую данному, качественно-характеризующее – новому. *Данное* и *новое* – синонимы *известного* и *неизвестного* получателю сообщения, но не темы и ремы. Элементы данного могут входить в состав ремы (например, в предложениях отождествления и пр.), а новое, в свою очередь, может быть темой высказывания (в синтагматически независимых высказываниях).

(I) Таким образом, противопоставление идентифицирующих и качественно-характеризующих атрибутов важно: а) для описания семантической сложности высказывания (монопозиитивности/ полипропозиитивности), б) для характеристики синтагматических свойств высказывания (соотношение «данного» и «нового»).

(II) Статистика употребления определений в исследованных текстах показывает, что разграничение атрибутов на идентифицирующие и качественно-характеризующие нерелевантно: а) для описания позиции атрибута относительно определяемого имени, б) для характеристики стилистической и коммуникативной специфики жанра памятника.

Соотнеся синтаксическое содержание типологии атрибутов (I) с результатами статистики (II), приходим к следующим выводам.

1. Разрыв атрибутивных словосочетаний и несоблюдение принципа проективности высказывания вызваны не синтагматическими свойствами высказывания, не противопоставлением данного и нового и не делением на новую информацию и известные «детали», которые «договариваются» после сообщения новой, «главной» информации для правильной идентификации участников ситуации, а собственно синтаксической природой отношений членов внутри отдельно взятого предложения, синтаксическими закономерностями построения его структуры, которые являются предметом рассмотрения в §2 II главы.

2. На выражение атрибутом дополнительной пропозиции не влияет его место в предложении относительно определяемого имени. Сама по себе постановка определений в постпозицию или препозицию, их отрыв от определяемого слова не служат семантическому осложнению высказывания, точно так же как и перевод синтаксемы из атрибутивной роли в предикативную не порождает полипропозиитивности. Простое – простое осложнённое – сложное предложения имеют одинаковый пропозиитивный состав, будучи составленными из одних и тех же синтаксем, употреблённых в разных синтаксических ролях, но сохраняющих свою семантическую нагрузку в рамках высказывания и текста в целом.

3. Синтаксические способы введения атрибута в состав предложения не зависят от стилистики текста и семантики атрибута.

Пятый параграф посвящён анализу субъектной перспективы простых предложений. И в летописи, и в грамотах простое предложение оказывается семантически эквивалентным

сложному: на оси монопредикативности выражаются полисубъектные, политемпоральные и полимодальные смыслы.

Если в современном языке отсутствие вербализации субъектной синтаксемы в зоне диктума можно признать свойством модифицированной модели⁵, то исторически, напротив, полипропозиитивность стремится быть выраженной на оси моносубъектности и монотемпоральности: *А в Торжокъ прихавъ, кони корми добрымъ синамъ. К житници свои замокъ приложи. А на гумни стои, коли молотять. А кони корми овсамъ при [соби], а в ми[ру]* (№358, 10-е – 60-е гг. XIV в.) ‘А прискавши в Торжок, коней корми хорошим сеном. К житнице свой замок приложи. А когда молотят, стой на гумне. А коней пусть кормят овсом при тебе, да в меру’. При сворачивании контролируемой каузации субъект-каузатор не просто механически устраняется, но все синтаксические связи оказываются ориентированными на каузируемое действие *кормить*, как если бы это действие совершал сам адресат послания. Отсюда и получается «алогичная» на первый взгляд фраза: «Сам корми в своём же присутствии». Семантическая сложность цепочки каузаций в данном случае увеличивается за счёт того, что мы имеем три каузации: говорящий каузирует действия адресата сообщения, адресат должен каузировать действия третьего лица (сделать так, чтобы коней кормили и он при этом присутствовал), третье лицо также является каузатором (глагол *кормить* – каузативный), причём каузатор-адресат должен не только каузировать, но и контролировать действия третьего лица. Несмотря на ролевую сложность структуры высказывания, мы наблюдаем формально-синтаксическую простоту выражения мысли за счёт невербализованных субъектных зон.

Ср. также синкретизм семантических ролей в предложении: *А прокъ ихъ злѣ отбѣгоша...* (НЛ, 37). Наречие *злѣ* передаёт комплекс смыслов: 1) вынужденно (результат каузации, подлежащее из агенса трансформируется в пациенс, ср. невозможность *Я зло бегу), 2) позорно (оценка), 3) будучи в бедственном состоянии, претерпевая лишения. Семантическая сложность наречия *злѣ* – явление не только лексикологии, но и синтаксиса.

При построении высказывания выбирается и перспектива говорящего, и перспектива адресата. В основе явления совмещённой перспективы лежит особенность древнерусского синтаксиса – монтажность: *Язо тебе, брату своему, приказале про себе [так]о* (№344) – ‘Я тебе, брату свосму, приказываю (этим письмом) в отношении тебя так’.

В древнерусском языке при всей неразвитости инвентаря подчинительных союзов, существующих в современном языке, располагающем целым набором обстоятельственных придаточных, был выработан стабильный синтаксический механизм маркирования субъектов в рамках простого предложения: *И заславъ Захарья въ вѣре уроклъ* (№724, 60-е – 70-е гг. XII в.) – ‘Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил’; *Убилиа ѿ без вины* (НЛ, СС, 1208, 73) – ‘Убили его, хоту он был без вины’; *А наѣхаша на товары без вѣсти* (НЛ, СС, 1217, 87 об.) – ‘А напали на обоз тогда, когда [новгородцы были на вече и] не знали о нападении’.

В современном языке, очевидно, представленные модели сохранились только в лексикализованном и стилистически ограниченном употреблении. Ср.: *пропал без вести*, но

⁵ «Оба субъекта (S₁ и S₂) принадлежат области диктума, и потому нормой для них является вербализованное участие в построении предложений» (Онипенко Н. К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. 1994. №3. С. 76.)

¹уехал без вести, *разорили дом без вести; осудили без вины, но ¹обидели без вины, *забыли без вины.

Если рассматривать переход от синтаксиса летописей к новому синтаксису как переход от «пишущегося разговора» (определение К. С. Аксакова) к логизированной, «интеллектуализированной прозе» (определение Б. Гавранека), полипропозиitivность древнего простого предложения также может трактоваться как системный фактор эволюции языка.

В шестом параграфе описано семь типов потенциальной предикативности второстепенных членов в составе древненовгородского простого предложения, обоснован механизм подсчёта пропозиций в составе предложения, найдены семантико-синтаксические сигналы, свидетельствующие о потенциальной предикативности второстепенных членов в составе простого предложения в памятниках древненовгородской письменности. Такие сигналы позволяют точно определять «информативную плотность текста», являются надёжным свидетельством полипропозиitivности, или семантической неэлементарности, простого предложения. Под потенциальной предикативностью второстепенных членов понимается выражение ими дополнительной пропозиции, накладывающейся на основную пропозицию, задаваемую предикативной основой предложения и вступающую в таксисные и подобные таксисным (т.е. выражающие «относительность» времени, модальности и лица) отношения с глагольным предикатом предложения.

Во-первых, дополнительная пропозиция может выражаться предикатной лексикой: ...розѣ ѡхашася докончавше до приѣзда князи (НЛ, СС, 1304, 154 об.); Тогда мастерь порочнии хитростью пусти на ня воду, Чюдь же побѣдоша сами вонь (НЛ, СС, 1268, 144), А сына его Олексу затвори въ стѣнахъ высокихъ стражею... (НЛ, СС, 1204, 64 об.). Ср.: ...разыдошася кождо их докончавше тако дондеже приидуть князи (1304, Ак. и Толст. сп.), А сына Олексу затвори въ стѣнахъ высокихъ и стража пристави... (КАТ, 1204, 126).

Во-вторых, носителями потенциальной предикативности являются члены предложения, выражающие актанты других, отличных от сказуемого пропозиций. В данном случае мы имеем дело с механизмом логического сжатия на основе метонимического переноса: вместо на строительство моста – на мост, вместо в пользовании землей – в земле, вместо на испытание водой – на воду, вместо до моего приезда – до меня, вместо в твою вину – в тебя, вместо с помощью Климa – с Климом, вместо из расчёта на наём – изо найма: ...даша на великимъ мостъ (НЛ, СС, 1229, 108); У Ивана въ земль девять гривень... (№219, кон. XII в. – 1-я четв. XIII в.); [Мо]гу ся съ тобою яти на воду (№238, кон. XI в. – сер. 10-х гг. XII в.); Дае Кснятинуу его, отъ блюдь до мньи (№411, 80-е – 90-е гг. XIII в.); ...естию до мене порозна... (№616, 10-е – 40-е гг. XIII в.); А не присълеши ми полу пята гривны, а хоу ти вырuti въ тя лучьшаго новъгородянина (№246, сер. 20-х – сер. 90-х гг. XI в.); [Се] мнье въ[лоца] въ е[а]ю... (№237, 60-е гг. XII в. – 1-я четв. XIII в.); ...то бы еси ма[сло] то бы еси продляе с Климомъ (№528, 70-е – 80-е гг. XIV в.); А лодку даи Павлу Соболецеву изо нама (№124, кон. XIV в. – 1400-е гг.).

Переходя от явлений сжатия плана выражения пропозиции (до предикатной леммы (девербатив, деадъектив и их аналоги) либо до её актанта) к третьему типу потенциальной предикативности, мы движемся в сторону увеличения грамматичности рассматриваемых

процессов (от лексико-грамматических возможностей языковой системы к собственно грамматическим).

Третий тип потенциальной предикативности предполагает выражение добавочной логической пропозиции. Для семантической интерпретации распространителя необходимо введение логического оператора – семантического подчинительного союза. Пропозиции, соединённые временным (таксисным) отношением: *(Ох)удѣлѣ ти есмь въ погрьбѣ* (№296, посл. четв. XII в.) – ‘Я обеднел, [пока сидел] в темнице’; *Том же лѣтѣ бѣсть князя и без новгородѣць Новгородѣ бѣсть пожаръ великъ...* (НЛ, СС, 1211, 77) – ‘В тот же год в отсутствие князя и новгородцев случился большой пожар в Новгороде’. Каузальные пропозиции: *Того же лѣта съгорѣ церкви от грома святого Луки въ Людинѣ конци июня въ 10, съ вечера* (НЛ, СС, 1234, 118); *...но Господь не хотя мѣста сего святой Софьи оставити пуста, отврати ярость свою от нас и призрѣ окомъ милосердія своего, кажа нас на покаяние...* (НЛ, СС, 1259, 138); *Убиша ѿ без вины* (НЛ, СС, 1208, 73). Как следует из примеров, в типологическом плане эта группа случаев полностью сходна с современными словоупотреблениями. Различия заключаются только в изменении значений предлогов (*къне мѣи голубыи дайте съ людьми* (№142, 1300-е – нач. 1310-х гг.) – совр. *дайте коней при людях/ в присутствии людей*).

Четвёртый тип потенциальной предикативности – «отражённая» предикативность. Распространитель, присоединяемый к составу предложения при помощи сочинительного союза, возвращает нас к синтаксической вершине предложения – глагольному предикату, как бы заимствуя его «пропозициональность»: *Иде Ростислав Смольску и съ княгынею* (НЛ, СС, 1158, 30 об.), *...а королевича рукама яша и съ женою...* (НЛ, СС, 1219, 92), *...вложи князю грѣхъ въ сердца, гнѣвъ до Твердислава, а без вины...* (НЛ, СС, 1220, 93), *А кони корми ѿсѣмъ при [соби], а в мѣру]* (№358, 10-е – 60-е гг. XIV в.), *Я на Ярославѣ, добръ-здоровъ и с Григоремъ*. (№69, 80-е гг. XIII в. – нач. 1310-х гг.), *Порозумѣте, братье, ему даче что въ с[е] (-) ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ* (№724, 60-е – 70-е гг. XII в.). Распространитель ставится не в форму, требуемую актантной структурой пропозиции – он принимает форму комитатива: не *Я жив-здоров, и Григорий (также)*, а *Я жив-здоров, нахожусь в Ярославѣ, и съ Григорием*.

Пятый тип второстепенных членов – носителей потенциальной предикативности представлен в «всерных» моделях, где о потенциальной предикативности распространителя речь идёт потому, что такой распространитель уже наделён некоторой степенью автономности, поскольку он зависим не только от глагольного предиката. Эта степень автономности может развиваться в предикативность, если будет поддержана политемпоральностью, полисубъектностью и полимодальностью в семантике предложения: *Въ то же лѣто придоша ис Кыева от Всѣволода по брата Святослава вести Кыеву* (НЛ, СС, 1141, 21), *а на Душильца на Липньскаго старосту тамо послаша грабить* (НЛ, СС, 1228, 106 об.):

В этих примерах вместо линейной «вложенности» одной фразовой категории в состав другой по принципу «матрёшки»: [[придоша] [[брата Святослава] вести Кыеву]], [послаша [грабить Душильца]], мы имеем круговую «связку» всех членов. Обратим внимание на то, что и в «линейной» модели, содержащей инфинитивные обороты, было бы передано полипропозитивное содержание. Таким образом, здесь речь идёт не о том, что «веерность» даёт полипропозитивность, а «линейность» переводит полипропозитивность в монопропозитивность (не форма задаёт смысл), а о том, что полипропозитивность предпочитает «веерную» модель в качестве плана выражения (смысл диктует выбор формы). Словоформа на Душильца одновременно выступает и в качестве актанта семантического предиката *послаша*, и в качестве актанта семантического предиката *грабить*, две пропозиции объединяются одним и тем же участником общей ситуации, выражаемой в её целостности и нечленности одним полипропозитивным предложением.

«Веерная» организация связей позволяет связывать модальную рамку с субъектом и предикатом диктумной пропозиции: *И не быше вести чересь всю зиму въ Новегородѣ на не ни на живы ни на мъртвы...* (НЛ, СС, 1193, 53 об.), *Пришьль искутнник ис Полоцька, а рать поведает велику...* (№636, 2-я пол. XIII в.).

Простое предложение

Не было вести на них (субъект диктума) –
ни на живых ни на мёртвых (предикат
 диктума).

Сложноподчинённое предложение

Не было известно, живы они или погибли.

Поведал рать (субъект диктума) *великую* = *Сообщил, что войско собралось большое.*
 (предикат диктума).

В «веерной модели» возможно совмещение объектных и обстоятельственно-определятельных отношений с собственно определятельными: *...възметеса всь городъ и поидоша съ вѣща въ оружии на тысячьского Вяцеслава...* (НЛ, СС, 1228, 106 об.)

Качественно-характеризующие определения составляют шестую группу потенциально предикативных членов. В отличие от идентифицирующих определений, качественно-характеризующие определения потенциально предикативны. Степень их предикативности может быть увеличена от потенциальной до реализованной (в диапазоне: *присловный распространитель* → *полупредикативный член, совмещающий функции присубстантивного определения и прилагольного обстоятельства* → *именное сказуемое*) за счёт отрыва от определяемого слова, за счёт осложнения атрибутивной функции дополнительной обстоятельственной ролью, а также за счёт перегрушировки синтаксических связей в структуре предложения. Предложение: *Въ то же лѣто Мьстиславъ заложил Новѣгородъ болии първаго*

(НЛ, СС, 1116, 9) полипредикативно (полисубъектно: Мстислав – каузатор существования Новгорода, Новгород – субъект базовой модели; политемпорально: аористивное значение предиката *заложи* соседствует с качественно-описательным имперфективом *болии първаго*). Потенциальная предикативность распространителя *болии първаго* подкреплена его двойной зависимостью в структуре предложения.

Шесть типов выражения потенциальной предикативности тесно взаимосвязаны в синтаксической системе языка. Они составляют синтаксическую типологию потенциальной предикативности как древнерусского предложения,

так и современного. Седьмая группа случаев определяет специфику синтаксического строения простого предложения исследуемого периода. Второстепенный член обозначает целую ситуацию во внеязыковой действительности, его синтаксическая роль в предложении не может быть определена по вопросу, задаваемому от членов этого предложения. В предложении, содержащем такую форму, развиваются обусловленные семантикой распространителя синтаксические отношения. Если эту словоформу (синтаксему) рассматривать изолированно, то она реализует своё типичное синтаксическое значение (пространственное, временное и др.), включённая же в предложение, она, сохраняя своё синтаксическое значение, создаёт ситуацию семантической рассогласованности предиката предложения и второстепенного члена.

(1) <i>А вода бы болшии третьяго лѣта на ту осень</i> (НЛ, СС, 1145, 24) – ‘А вода в ту осень поднималась выше, чем то было тремя годами ранее’. Синтаксема с временным значением занимает позицию прикомпаративного члена.	vs.	<u>Омонимичная модель:</u> <i>Вода бы болшии (когда?) третьяго лѣта</i> – ‘Три года назад вода поднималась выше’. Детерминант времени.
(2) <i>И погорѣша хороми от ручия мимо Славно до сятаго Ильи</i> (НЛ, СС, 1105, 7) – ‘И сгорели дома: пожар распространился от [Федоровского] ручья, через Славно, вплоть до церкви Святого Ильи’.	vs.	<u>Омонимичная модель:</u> <i>Погорѣша хороми (как?) мимо Славно</i> – ‘Сгорели дома минуя Славно’. Обстоятельство образа действия – присловный распространитель глагольного предиката.
(3) <i>Взяша миръ чресь рѣку на всеи воли новгородьской</i> (НЛ, СС, 1269, 147) – ‘(Новгородцы) заключили мир с находившимися на той стороне реки [немцами] на своих условиях’.	vs.	<u>Омонимичная модель:</u> <i>Взяша миръ чресь рѣку</i> – ‘Заключили мир (как?) стоя на разных берегах реки’. Обстоятельство образа действия – присловный распространитель глагольного предиката.

В древнерусском языке распространитель входил в состав предикативной единицы не через посредство словосочетания, а непосредственно и его синтаксическая роль определялась семантикой его грамматической формы, а не задавалась глагольным центром предложения. В частности, уже по этой причине такой второстепенный член изначально обладал потенциальной предикативностью. Предложение, будучи семантически сложным, полипропозитивным, оставалось формально элементарным, т.е. не содержащим синтаксических оборотов: в нём каждая отдельная словоформа – отдельный член с присущим ему синтаксическим значением.

Седьмой параграф второй главы обобщает сведения о семантическом потенциале простого распространённого предложения в памятниках древненовгородской письменности. Методом сплошной выборки мы подсчитали количество пропозиций и количество предикаций (простых предложений) в каждой берестяной грамоте и в каждой годовой записи в Синодальном списке. Грамоты были разделены на группы: а) по хронологии написания (по периодам) в соответствии с их делением в издании «Древненовгородский диалект» (разделы А-Д), б) по тематике (тематические группы нами выделены самостоятельно). Летопись разделена на участки в соответствии с установленными в исследовании А.А. Гиппиуса лингво-текстологическими швами.⁶

Полученные статистические данные могут быть проверены и проиллюстрированы при обращении к конкретным грамотам и летописным записям, для чего в Приложении приведён весь перечень текстов (по номерам грамот и по годам летописи) с указанием числа пропозиций и числа предикаций. Здесь приведём только сводные таблицы, содержащие итоговые количественные показатели.

Сводная таблица по Синодальному списку Новгородской I летописи

Участки текста	Количество предложений	Количество пропозиций	Информационный коэффициент
Участок 1	142	181	K1= 1,275
Участок 2	99	158	K2= 1,598
Участок 3	221	372	K3= 1,683
Участок 4	391	646	K4= 1,652
Участок 5	240	435	K5= 1,813
Участок 6	314	551	K6= 1,755
Участок 7	611	1119	K7= 1,831
Участок 8	1118	2127	K8= 1,903
Участок 9	134	304	K9= 2,269
Участок 10	233	451	K10= 1,936
Сумма:	3503	6344	
Среднее суммарное значение: 6344/3503 = 1,811			Среднее арифметическое по участкам (летописцам) (K1+K2+...+K10)/10 = 1,771
	предложения	пропозиции	

Сводная таблица по берестяным грамотам

Группы по периодам	Количество грамот	Количество предложений	Количество пропозиций	Информационный коэффициент
Группа А (XI – 1-я четв. XII в.)	31	183	201	K1= 1,233
Группа Б (2-я четв. XII – 10-е гг. XIII в.)	161	923	1045	K2= 1,132
Группа В (20-е – 90-е гг. XIII в.)	51	295	341	K3= 1,156
Группа Г (XIV в.)	132	789	890	K4= 1,128
Группа Д (XV в.)	56	310	367	K5= 1,184

⁶ Гиппиус А.А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. х. филол. н. М., 1996

Сумма:	431 грамота	2480 предложений	2844 пропозиции	
Среднее суммарное значение инф. коэффициента: $2844/2480 = 1,147$ Среднее количество простых предложений в одной грамоте: $2480/431 = 5,754$				Среднее арифметическое по периодам: $(K1+K2+...+K5)/5 = 1,167$

Группы по тематике	Количество грамот	Количество предложений	Количество пропозиций	Информационный коэффициент
Частная бытовая переписка	101	616	745	$K1 = 1,209$
Ресстры	66	507	520	$K2 = 1,026$
Завещания	7	53	57	$K3 = 1,076$
Договоры	7	28	34	$K4 = 1,214$
Деловые поручения (наказы)	93	500	554	$K5 = 1,106$
Отчёты	39	237	280	$K6 = 1,181$
Челобитные (просьбы, жалобы)	56	291	345	$K7 = 1,186$
Требования по договору	29	136	163	$K8 = 1,199$
Уведомления	32	123	152	$K9 = 1,236$
Среднее арифметическое по тематике: $(K1+K2+...+K9)/9 = 1,159$				

В среднем на 10 простых предложений в древненовгородской письменности приходится от 12 до 18 пропозиций в зависимости от тематики, прагматики и стилистики текста. Семантически простое распространённое предложение изначально несёт в себе потенциал полипропозитивности. Монопредикативность синтаксически нетождественна монопропозитивности в древнерусском языке. С другой стороны, нельзя и преувеличивать семантическую нагруженность простого распространённого предложения в летописи и берестяных грамотах. Обладая возможностью выражать полипредикативное содержание, простое предложение реализует эту возможность далеко не всегда. Среднее число выражаемых пропозиций сокращается за счёт сложных предложений, выражающих только одну пропозицию.

Показатель семантической нагруженности простого распространённого предложения в летописи заметно выше, чем в берестяных грамотах (10 предложений в летописи связаны с передачей 18 единиц смысла, тогда как 10 предложений в грамотах выражают лишь 11-12 смысловых единиц), что объясняется следующими факторами:

1) Стилистика текста: именно книжные обороты вводят в текст дополнительные пропозиции. Как бы мы ни ожидали высоких показателей семантической сжатости текста от авторов берестяных грамот, стремящихся к лаконичности выражения мыслей и почти телеграфному стилю их изложения, информативный коэффициент грамот очевидно ниже информативного коэффициента летописи;

2) Тип речи: рассуждение оказывается более информативно насыщенным типом речи, чем повествование. К концу летописи общее число фрагментов, несущих в себе элементы

рассуждения (гнэсритивный и реактивный регистры), возрастает, тогда как берестяные грамоты в большей степени ориентированы на информативно- и репродуктивно-повествовательный, а также волюнтивный регистры речи;

3) Предикативное маркирование данного и нового: в берестяных грамотах значительное количество речевых ресурсов затрачивается на идентификацию предметов, событий, лиц, о которых идёт речь. Многие грамоты коммуникативно организованы по модели 'Что касается того, что...' – 'сделай то-то', что ведёт к увеличению предикаций при отсутствии их пропозитивной значимости.

Информативный коэффициент обладает в берестяных грамотах стабильностью и предсказуемостью. Проанализировав 50, или 100, или 200, или 400 грамот любого периода мы получаем один и тот же результат с точностью до десятых долей. Мы можем утверждать и прогнозировать: информативная плотность текста берестяной грамоты не превысит 1,2 пропозиции на простое предложение и не опустится ниже 1,1. Стабильность информативной нагруженности предложения в грамоте мотивирована её прагматикой и сложившимся канонем берестяного послания. Жанровые особенности грамот делают весь корпус берестяных текстов однородным с коммуникативно-синтаксических позиций, а именно с точки зрения информативной плотности текста. Несмотря на большой временной интервал (XI-XV века), язык берестяных грамот характеризуется в синтаксическом плане значительным единством, что подтверждается полученной статистикой и даёт возможность делать выводы о синтаксических особенностях грамот применительно ко всему корпусу текстов.

Коммуникативно-синтаксическую организацию грамоты определяет не столько время её написания, сколько тематика. Так, завещания, наказы и различные реестры (списки имущества, приданого, повинностей, долгов и пр.) характеризуются приблизительным соответствием числа предикаций и числа пропозиций: простое предложение в таких грамотах стремится к монопропозитивности, текст организуется по принципу перечисления отдельных единичных фактов, вещей, событий. Напротив, наиболее информативно нагруженными являются предложения в договорах, уведомлениях и частных бытовых письмах, так как именно эти тексты связаны в большей степени с сообщением новой информации разного ранга: главной и второстепенной, с установлением логических связей между сообщаемыми событиями. По сравнению с договорами и уведомлениями отчёты, челобитные и требования по договору менее информативно нагружены, так как в них иное соотношение данного и нового – существенно число предикаций, служащих идентификации уже известных предметов и фактов.

В отличие от берестяных грамот, участки летописного текста по смысловой насыщенности предложений неоднородны. К концу летописи информативная плотность записей возрастает, летописцы не только информируют об отдельных фактах (смерти князя, принятии новым князем княжения, смене архиепископов, небесных знамениях, исходах военных сражений, голоде и неурожае), но и комментируют их, сопоставляя различные факты, выводят причинно-следственные закономерности, говорят о связи человеческих злодеяний и кары Божьей, насылаемой на Новгородскую землю, призывают христиан к праведному образу жизни, цитируют церковные тексты, поучают. Таким образом, нельзя утверждать, что в летописи нивелируется личность летописца, а также говорить о неизменности летописного канона.

Информативная плотность текста с начала Синодального списка к его концу значительно возрастает: от 1,275 до 2,269 пропозиции на простое предложение. Приблизительное равенство среднего показателя информативной плотности текста летописи (общее число пропозиций/общее число простых предложений в Синодальном списке) и среднего арифметического показателя по участкам летописи $(1,275 + 1,596 + \dots + 2,269 / 10 \text{ участков})$ свидетельствует о линейности роста информативного коэффициента.

С точки зрения системно-языковых процессов в эволюции строя простого предложения значимо то, что древнее простое предложения изначально, в своём генезисе не специализировалось на выражении одной-единственной пропозиции.

В заключении подводятся итоги проведённого исследования.

Сопоставление синтаксиса летописи и берестяных грамот позволило сделать вывод о том, что все рассмотренные в работе синтаксические явления носят системно-языковой характер – они широко представлены как в берестяных грамотах, так и в Синодальном списке летописи – различна их частотность. Многосторонние связи – свидетельство многовершинности предложения. Вербоцентризм предполагает «дерево зависимостей». Но так как ветви этого дерева «переплетаются», древовидная модель («геометрия на плоскости») заменяется собственно геометрической («геометрия в пространстве»), а вербоцентрическая структурная организация простого предложения сосуществует с иными видами структур, где именные формы оказываются наделёнными значением «глагольности» и «сказуемости».

Принятые сокращения источников: НЛ1, СС – Новгородская первая летопись, Старший извод, Синодальный список. НЛ1, КАТ – Новгородская первая летопись, Младший извод, Комиссионный, Академический, Толстовский списки. НКЛ – Новгородская Карамзинская летопись. НБГ или БГ – Новгородская берестяная грамота (если указывается номер конкретной грамоты, то сокращение НБГ может опускаться как излишнее).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Способы распространения простого предложения в истории русского языка (к вопросу о формировании валентной структуры глагольных предикатов) // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3. Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике. СПб, 2010. С. 20-25.
2. К характеристике синтаксической модели образования производных предлогов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 105–114.
3. Семантическая значимость имплицитных грамматических сигналов в сфере служебной лексики // Языковые и культурные контакты различных народов. Сб. статей Международной научно-методической конференции. Пенза, 2006. С. 37-39.
4. Полифункциональность предложных синтаксисом как фактор эволюции структуры древнерусского предложения // Ломоносов-2007. Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. С. 78-80.

5. Критерии грамматикализации: к вопросу о соотношении эксплицитной и имплицитной грамматики // *Rossica petropolitana juniora*. СПб, 2007. С. 127-139.
6. Омонимия предлогов, префиксов и наречий в свете теории синтаксических валентностей // Ломоносов-2008. Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008. С. 21-24.
7. К проблеме семантической интерпретации эллипсиса в новгородских берестяных грамотах // *Русская филология*. 19. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, Тартуский университет, 2008. С. 160-164.
8. К вопросу о происхождении эллиптических конструкций в древнерусских берестяных грамотах // *Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2006. Материалы конференции*. Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (т. 7). СПб, 2008. С. 102-107.
9. Синтаксические связи слов в конструкциях с производными предлогами: диахронический аспект // Ломоносов-2009. Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 139-141.
10. Этимологизация русских предлогов: функционально-синтаксический аспект // *Русская филология*. 20. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, Тартуский университет, 2009. С. 165-169.
11. К вопросу о соотношении элементов «зерной» и «линейной» моделей простого предложения в современном синтаксисе // Ломоносов-2010. Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 71-73.
12. Коммуникативно-синтаксические стратегии распространения простого предложения в памятниках древнерусского языка XII-XVI вв. // *Русская филология*. 21. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, Тартуский университет, 2010. С. 139-144.
13. Второстепенные члены в становлении вербоцентрической структуры предложения (на материале берестяных грамот XII-XIV вв. и Синодального списка I Новгородской летописи) // *История русского языка и культурная память народа. Материалы секции XXXIX Международной филологической конференции*. СПб, 2010. С. 8-15.
14. Вербализованные и невербализованные субъектные зоны в коммуникативной организации простого предложения в русском синтаксисе // Ломоносов-2011. Материалы Международного молодёжного научного форума «Ломоносов-2011». М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. ISBN 978-5-317-03634-8.
15. Средства маркирования субъектной перспективы высказывания в памятниках новгородской письменности XI-XV вв. // *История русского языка и культурная память народа. Материалы секции XL Международной филологической конференции*. СПб, 2011. С. 3-11.

Типография СПбГУ
199004, г. Санкт-Петербург, Большой проспект В.О., д.21
Подписано в печать 13.02.2012
Тираж 150 экз.

